

От автора «Правдивых баян»
легендарного **Матроса Кошки**»

Денис ЦЕПОВ

Держите ножки крестиком,

или
**Русские байки
английского
акушера**

Денис Цепов

**Держите ножки крестиком,
или Русские байки
английского акушера**

«АСТ»

2011

Цепов Д.

Держите ножки крестиком, или Русские байки английского акушера / Д. Цепов — «АСТ», 2011

Он с детства хотел быть врачом – то есть сначала, как все – космонавтом, а потом сразу – гинекологом. Ценить и уважать женщин научился лет примерно с четырех, поэтому высшим проявлением любви к женщине стало его желание помогать им в минуты, когда они больше всего в этом нуждаются. Он работает в Лондоне гинекологом-онкологом и специализируется на патологических беременностях и осложненных родах. В блогосфере его больше знают как Матроса Кошку. Сетевой дневник, в котором он описывал будни своей профессии, читали тысячи – они смеялись, плакали, сопереживали. «Эта книга – своего рода бортовой журнал, в который записаны события, случившиеся за двадцать лет моего путешествия по жизни. Путешествия, которое привело меня из маленького грузинского провинциального городка Поти в самое сердце Лондона. Путешествия, которое научило меня любить жизнь и ненавидеть смерть во всех ее проявлениях. Путешествия, которое научило мои глаза – бояться, а руки – делать. Путешествия, которое научило меня смеяться, даже когда всем не до смеха, и плакать, когда никто не видит».

© Цепов Д., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Обнаженные махом	5
К читателю	8
Как я стал гинекологом, или Говно-вопрос	9
Особенности родов у английских дам высшего света	13
Мысли вслух перед краш-кесаревым в четыре часа утра	16
Эсс Пушкин, или Трудности перевода	17
Моряк моряка видит издалека	19
Военно-морская гинекология, или Как я провел лето	20
Как принять роды у капитана Боинга	28
Есть ли в Даулише девушки на выданье?	31
Профессора бранятся – только тешатся	34
Десперадо из химчистки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Цепов

Держите ножки крестиком, или Русские байки английского акушера

*Все доктора и пациенты, описанные в книге, являются
вымышленными персонажами, и любое сходство с реальными людьми –
чистая случайность*

*Посвящается моему лучшему другу и, по совместительству,
любимой жене Виктории Романовой по прозвищу «Конкурс»*

Обнаженные махом

Случилась эта удивительная история в Королевском Девонширском госпитале, где я работал ответственным дежурным по родильному отделению, на местном наречии – реджистаром. Королевский Девонширский, хотя и находился, по лондонским меркам, во тьме таракани, обслуживал, тем не менее, примерно два миллиона человек разного сельского английского населения. Работы в родилке хватало, и скучно не было совсем... Тут тебе и санавиация, тут тебе и охотно беременеющие жены королевских морских пехотинцев, чья база находилась неподалеку в городке Таунтон, и фермерши с мозолями на причинном месте от чрезмерного катания на лошадях, и даже представительницы сельской аристократии, так называемые помещицы.

Родильное отделение на десять коек, а в конце длинного коридора – палаты интенсивной терапии и операционный блок, перед входом в который располагались разные служебные помещения – душевые для акушеров, комната отдыха анестезиолога, раздевалки и прочая, прочая... Комната отдыха врача-акушера, с кожаным диваном, большим телевизором и Интернетом, была на некотором отдалении, в восточном крыле акушерского блока.

Так вот, заступаю в субботу в восемь вечера на дежурство: в новом хирургическом костюме, в любимой свежевыглаженной операционной шапочке с нарисованными на ней маленькими эскимосами и оленями, обвешанный пейджерами, – и сразу же зовут меня в третью родильную комнату, посмотреть тетеньку с многоводием, зарожавшую на тридцать седьмой неделе.¹ Произвожу внутренний осмотр, чтобы уяснить положение головы плода, и вдруг – цунами! Все три с половиной литра околоплодных вод под давлением схватки выливаются на меня одним стремительным потоком, как из ведра. Следом появляется голова младенца, а потом, незамедлительно, и он сам. Кладу новорожденного маме на живот, под его вопли перерезаю пуповину, кладу послед в специальный тазик и понимаю, что мне нужно в душ, причем как можно быстрее: я с головы до ног покрыт склизкими, пахучими околоплодными водами с примесью детских какашек, крови и еще черт знает чего.

Новый операционный костюм – мокрый насквозь, и с любимой хирургической шапочки тоже каплют околоплодные воды. Высоко нести знамя английского акушерства в таком состоянии было невозможно, и я пулей побежал в душ, хлюпая и оставляя на полу мокрые следы. Так

¹ Средняя продолжительность беременности от зачатия до родов составляет тридцать восемь недель (эмбриональный срок). Средняя продолжительность беременности от начала последней менструации до родов составляет сорок недель (акушерский срок). Использование акушерского срока более распространено в медицине, так как дата зачатия, как правило, трудноопределима.

как до комнаты врачей надо было идти минуты две, я без промедления решил воспользоваться ближайшим душем – для акушеров в родильном отделении.

Сорвав с себя всю мокрую одежду, я бросил в раковину часы, бидж и протер спиртовыми салфетками мокрые пейджеры. Пейджер, или, как их называют на медицинском сленге, «блипов», у дежурного акушера обычно два: красный, издающий тревожные вопли в критических ситуациях: в случаях внезапно возникшего риска для жизни пациента, он называется «краш блип», и черный, «персональный блип», который пищит по всем остальным вопросам.

Включаю горячий душ и интенсивно смываю с себя кровь, меконий и амниотическую жидкость,² ожесточенно намыливаясь жидким мылом с антисептиком. Полностью отмывшись, я удовлетворенно выключил воду и вдруг понял, что у меня нет ни запасной одежды, ни полотенца. Все эти полезные штуки я забыл, поспешая в душ, ибо ощущение слизи и какашек на физиономии было не из приятных.

И вот я стою: ответственный дежурный доктор отделения беременности и родов высокого риска Королевского Девонширского госпиталя, в женском душе, без трусов, мокрый, с двумя пейджерами в руках, с биджем, в красных операционных резиновых тапочках и в часах. «Надо что-то делать», – мелькнула мысль... Попытался высунуться из двери душа и позвать кого-нибудь из акушеров. В поле зрения никого не оказалось: все сидят с роженицами по комнатам. Звал, звал – безрезультатно. Оставалось одно – улучшить момент и пулей метнуться в раздевалку оперблока, где лежат желанные новые комплекты хирургического белья.

Бежать метров пятнадцать. В принципе, за пять-шесть скачков можно допрыгнуть. Как назло, в этот же момент начал звонить черный пейджер, наверняка дежурный консультант, мистер Редклифф звонит узнать, все ли в порядке на отделении, прежде чем отправиться спать в своем особняке в Тивертоне.

Решение принято! Выскакиваю из душа в темный коридор, тускло освещенный подмигивающей лампой дневного света. Поскальзываюсь. С криком «Бляяаа!» падаю на пол.

В этот самый момент включается яркий свет, и в начале коридора появляется акушерка Маргарет с ознакомительным туром по родильному отделению для беременных и их мужей – человек пятнадцать, не меньше.

Понимая, что мужик, лежащий в одних часах и с биджем в родильном отделении на полу, престижа госпиталю не прибавит, волоча ногу, отползаю в сторону раздевалки оперблока. Застывшая группа беременных во главе с акушеркой Маргарет офонаревшим взглядом наблюдает мою голую жопу, исчезающую в дверях раздевалки.

² Меконий – первые кишечные выделения новорожденного. Амниотическая жидкость – жидкость, находящаяся внутри плодных оболочек и окружающая плод во время беременности.

Через пять минут выхожу как ни в чем не бывало на отделение, весь в чистом, но без шапочки.

– Ну что ж, продолжим обход? – вопрошаю без тени смущения...

Среди акушеров тотальный шок – все рыдают. Маргарет, утирая слезы, говорит, что хотела сказать группе посетителей: «А это наш оперблок», – но сказала: «А это Дэннис, наш ответственный дежурный доктор, он... из России».

К читателю

Дорогой читатель!

Вас жестоко обманули. В этой книжке нет абсолютно никакого сюжета.

Здесь нет ни завязки, ни кульминации, ни развязки.

В этой книжке вообще нет литературы как таковой.

Потому что эта книжка – своего рода бортовой журнал, в который беспристрастно и дословно записаны мысли, события и диалоги, случившиеся за двадцать лет моего путешествия по жизни.

Путешествия, которое привело меня из маленького грузинского провинциального городка Поты в самое сердце лондонского мегаполиса.

Путешествия, которое превратило меня из блюющего за борт от малейшей качки младшего матроса Потийского морского пароходства в помощника грузчика на алюминиевом заводе в Оксфордшире, а затем, моментально, во врача акушерской клиники Лондонского университета и члена Британской Королевской коллегии акушеров и гинекологов.

Путешествия, которое научило меня любить жизнь и ненавидеть смерть во всех ее проявлениях.

Путешествия, которое научило меня смеяться, даже когда всем не до смеха, и плакать, когда никто не видит.

Путешествия, которое научило мои глаза бояться, а руки – делать.

Так уж получилось, что главным героем собственного путешествия по жизни стал я сам. Поэтому в этой книжке вы найдете много упоминаний про «мистера Цепова». Это не от нарциссизма и самовлюбленности, а исключительно с целью передать ощущения «от первого лица».

Книжка эта – собранные мною байки, которые уместно травить как молодым матросам в кают-компании, так и симпатичным девушкам-интернам в ординаторской во время ночного дежурства за чашкой кофе с замшелым, но ужасно вкусным дежурным бутербродом с сыром, который вы, придя утром на дежурство, забыли положить в холодильник.

Ну а в байках, конечно, по закону жанра, и приврать не грех, таков уж морской закон!

Каким получилось это повествование – грустным или веселым, – решать вам, дорогой читатель, но что интересно, так это то, что мое захватывающее путешествие по жизни еще не закончено. Эта книжечка – только начало!

Итак, располагайтесь поудобнее на моем ординаторском диване, подлейте себе еще кофейку, закурите сигаретку и читайте на здоровье мои байки, смешные и не очень...

Искренне ваш, Денис Цепов, легендарный Матрос Кошка Лондон, июнь 2010 года

Как я стал гинекологом, или Говно-вопрос

Моя карьера в гинекологии началась с одного примечательного случая, о котором я и хочу вам поведать.

Был я тогда, в тысяча девятьсот девяносто пятом году, студентом четвертого курса в Первом питерском ЛМИ.³ Моя мечта стать гинекологом рассыпалась на глазах. Чтобы попасть на акушерско-гинекологический поток, так называемую субординатуру, надо было либо платить денежку «кому надо», либо иметь такие знакомства с «кем надо», чтобы одного телефонного звонка было достаточно для зачисления. Был и третий путь: нужно было так понравиться профессору Новикову или доценту Яковлеву, чтобы они пропиарили тебя заведующему кафедрой, убедив его в том, что такое юное дарование, как ты, просто необходимо кафедре, гинекологии и медицинской науке в целом.

Задача была практически невыполнимая. Денег и знакомств не было. Понравиться доценту Славе Яковлеву было еще труднее. Это был бог оперативной гинекологии. Демон операционной. И последняя инстанция в случаях, когда профессора и академики, внезапно покрывшись мелкими капельками пота, орали: «Слава! Мойся! У нас кровотечение!» Слава мылся, неторопливо, вразвалочку подходил к столу и решал проблему. Худощавый, невысокий, с пронзительным взглядом и бородкой клинышком, он напоминал мне Джонни Деппа, если тому накинуть лет пятнадцать. В операционной он не делал ни одного лишнего движения и не произносил ни одного лишнего слова. Его неторопливая манера оперировать вызывала у меня щенячий восторг. Это было состояние, близкое к тому, когда я, будучи шестилетним мальчиком, утром первого января нашел под елкой настоящую игрушечную железную дорогу. Каждое слово, тихо произнесенное Славой Яковлевым, весило примерно двести килограммов. Медсестры боготворили и боялись его, все пациентки, от шестнадцатилетних школьниц до тридцатипятилетних бизнес-леди и шестидесятилетних заведующих овощебазами, были тайно влюблены в Славу Яковлева. При словах «обход доцента Яковлева», каждый вторник в десять ноль-ноль, все без исключения пациентки отделения лежали в кроватях, без трусов, в полном макияже и источали сильнейшие парфюмерные ароматы, варьировавшиеся от «Диора» и «Живанши» до «Красной Москвы», от смеси которых у заведующей анестезиологией, Елены Ивановны Сысоевой, начиналась мигрень. Интересно заметить, что в другие дни, когда обход делали другие доктора, включая профессора Новикова, ничего подобного не происходило. Жополизов Слава не выносил, «блатных» ужасно гнобил, любимчиков не заводил, и подкатить к нему на хромой козе не представлялось возможным. Но ходили легенды, что, если понравиться Славе Яковлеву, он не только научит божественно оперировать, но и возьмет на субспециализацию, что и было, собственно, пределом мечтаний.

И вот, следуя своему «плану завоевания сердца доцента Яковлева», я устроился работать санитаром оперблока на отделение оперативной гинекологии. Специально. Чтобы быть ближе к мечте. Мой оперблок блестел, как флагманский фрегат накануне императорского смотра. Я драил его с остервенением, и надежда, что Божественный Слава Яковлев обратит на меня внимание, не давала мне покоя. Однажды Слава Яковлев, проходя по оперблоку, похвалил старшую операционную сестру, Диану Васильевну, за идеальную чистоту. «Оперблок – гордость отделения!» – сказал он ей своими двухсоткилограммовыми словами. Та тут же состроила глазки и, зардевшись, промурлыкала: «Стараемся, Владислав Геннадьевич!» Обидно было до слез. Но ничего не поделаешь.

³ *Первый питерский ЛМИ* (или «Первый мед» на петербургском сленге) – медицинский институт, в настоящее время – Санкт-Петербургский медицинский университет им. Павлова, одно из самых престижных учебных заведений в Петербурге, выпускающее врачей, со стабильно высоким конкурсом при поступлении.

И вот в одно из ночных дежурств произошло нечто, что сблизило нас навсегда.

К нам поступила женщина с острым животом⁴ и тридцатинедельной беременностью. Ужасная боль в животе, рвота, электролитные нарушения, сдвиг лейкоцитов влево, ничего не понятно... Позвали хирургов... Хирурги, как водится, спокойно сказали: так как тетенька беременная, приняли решение оперировать в гинекологической операционной.

Тут я сделаю небольшое отступление. Есть «чистые» операционные, а есть «грязные». В «чистых», как правило, не выполняются гнойные операции и операции, связанные с разрезами кишки. Наша гинекологическая операционная была как раз «чистая», но, так как случай был экстраординарный, решили использовать именно ее.

Так вот, час ночи. Два хирурга оперируют женщину, Слава Яковлев в ослепительно-белом операционном халате стоит, наблюдает, готовый прийти на помощь хирургам. Я, в не менее ослепительно-белом халате, гордым санитаром стою на подхвате, на случай «дай-подай-принеси». Вскрывают брюшную полость. Аппендикс в норме. Желчный пузырь не воспален. Огромная раздутая кишка, заполненная каловыми массами. Феноменальным количеством каловых масс. Кишечная непроходимость. Ни перекрута, ни перегиба, ни ущемления кишки так и не нашли. Хирурги переглядываются. Стало быть – функциональная непроходимость. Значит, оперировать кишку не надо. Хирурги принимают решение эвакуировать каловые массы через прямую кишку. Живот зашивают. Хирурги просят шланг и вакуумный отсос. Слава Яковлев обращается ко мне: «Молодой человек, принесите шланг и отсос». Я срываюсь выполнять приказ, но выясняется, что в гинекологической операционной есть только шланги узкого диаметра. Я приношу шланг диаметром в один сантиметр. Шланг вставляют в попу пациентке, включают вакуум. Первые два килограмма каловых масс поступают в контейнер. Слава Яковлев явно раздражен – такого количества говна в этой «чистой» операционной еще не было! Тем временем с хирургического отделения подогнали шланг большего калибра, и эпопея с эвакуацией каловых масс продолжилась.

Внезапно процесс остановился. Произошла закупорка шланга. Доцент Яковлев, вращая глазами, поручает мне прочистить шланг. Я иду к крану, где моют инструменты, начинаю мыть шланг, пытаясь вытряхнуть из него говно. Вдруг чую, за спиной – САМ.

– Твою мать, что ты его трясешь?! Это же чистая операционная!

– Так больше негде, Владислав Геннадьевич!

– Знаю, что негде! Дай я сам!

Яковлев берет шланг, ловким движением вставляет его в патрубок крана и нервно открывает воду. Происходит взрыв. Все вокруг в говне. Я, в ослепительно коричнево-белом халате, белые стены предоперационной в коричневую крапинку, доцент Яковлев – вообще весь в говне, включая бородку клинышком. То есть абсолютно все.

Доцент Яковлев смотрит на меня. На себя в зеркало. Зачем-то спрашивает, как меня зовут, и командует: «В душ, блядь!»

⁴ Острый живот – острые боли в животе (медицинский сленг).

После душа я и доцент Яковлев, вновь в ослепительно-белом, занимаем исходные позиции. После эвакуации еще пяти килограммов каловых масс возникает дефицит тары. Все пять литровых контейнеров вакуумного отсоса заполнены говном. Тары не хватает. Было принято решение использовать вакуум по открытому контуру с привлечением подручной посуды. Каловые массы складировались в тазики, кастрюльки и прочую посуду, найденную в оперблоке. Вонь стояла невыносимая. Создавалось впечатление говенного апокалипсиса. Когда процесс эвакуации каловых масс закончился, в операционной осталось совсем мало людей, да и те время от времени выходили «подышать». Говно было везде. Чистая операционная, гордость отделения, превратилась в пещеру из говна. А я был ее почетным Али-Бабой.

Пациентку увезли выздоравливать, хирурги, привычные к дерьму, с флегматичным видом удалились восвояси. Остались двое: я и Слава Яковлев. Он – потому что заведующий отделением, а я – потому что кто-то должен был убирать все это.

– Денис, посыпь все хлоркой и иди спать, – сказал Слава Яковлев. Голос его дрожал. – Пиздец операционной! Все плановые операции на завтра отменить! Завтра вызовем дезинфекцию.

Наутро, зайдя в операционную, я обнаружил, что кучки говна, засыпанные хлоркой, превратились в сталактиты. То есть окаменели. Но это была уже не моя проблема. Дежурство закончилось.

С тех пор Слава Яковлев стал меня замечать. Он первым здоровался в коридоре на зависть интернам! Мы вместе ходили курить к нему в кабинет, где он рассказывал байки, и однажды даже научил меня вязать хирургические узлы. Позже, через год, на экзамене по акушерству и гинекологии, который я сдал на «отлично», он подмигнул мне и спросил, не хочу ли я продолжить обучение по специальности на кафедре.

Так я стал хирургом-гинекологом. И учеником Славы Яковлева.

Особенности родов у английских дам высшего света

Еще не перевелись в Южном Девоншире носители знатных фамилий, отпрыски пэров и, возможно, даже прямые потомки сэра Чарльза Баскервиля, сохранившие благороднейшие манеры и говорящие на таком изысканном английском, что хочется взять блокнот и записывать за ними каждое слово, чтобы потом при случае щегольнуть на одном из госпитальных балов. Однако неумолимый ход времени все же накладывает отпечаток и на незыблемые английские традиции. И вот яркое тому подтверждение.

Джессика и Джонатан, утонченная молодая пара с ярко выраженными врожденными аристократическими замашками, говорящие по-английски словно персонажи сериала «Дживс и Вустер», пришли к нам рожать своего первенца, тоже потенциального отпрыска знатной фамилии, между прочим. Было все, что по всем аристократическим канонам должно сопровождать рождение первенца, а именно: толщиной с «Войну и мир» план родов, расписанный поминутно, распечатанный на бумаге «Конкера» (двадцать фунтов стерлингов за пачку, с водяными знаками) и подшитый в шикарную кожаную папку с серебряными уголками. Записи в том фолианте были примерно такие: «Когда начнутся первые схватки, я бы хотела, чтобы сестры милосердия принесли мне чашку свежесваренного чая „Эрл Грей“, чтобы набраться сил перед родами». Или, к примеру: «Я бы хотела, чтобы роды проходили как можно более естественно, и ни при каких обстоятельствах не даю своего согласия на использование эпидуральной анестезии,⁵ так как это противоречит моим представлениям о нормальных родах...»

Была там и стереосистема «Боуз» с расслабляющей музыкой, и голубой свет, создающий атмосферу благолепия в затемненной родильной комнате, напрочь вырубавший и без того сонную акушерку Дженни, которая вернулась вчера в два часа ночи с дружеской попойки и пыхала все утро таким факелом, что увяли к черту все хризантемы на отделении; и заготовленные две бутылки «Боллинджера» в позолоченном ведерке, и лепестки роз для бассейна...

Ну, в общем, подготовились на славу... Остались сущие мелочи – родить малыша.

⁵ Эпидуральная анестезия – один из методов анестезии, при котором лекарственные препараты вводятся в соединительную ткань позвоночника через катетер, в результате чего теряется общая болевая чувствительность.

Первые неприятности начались с первыми серьезными схватками... Вместо того чтобы отведать бодрящего чаю с лепестками роз, Джессика спокойным ровным голосом сообщила всем о своем твердом решении выбраться из окна, если ей сию минуту не сделают эпидуральную анестезию. Для этого был вызван анестезиолог, который согласился организовать «эпидуралку» при условии, что дама вылезет из бассейна. В ходе оживленных переговоров все пришли к решению, что анестезиолог в бассейн не поместится, и лучше всего проводить анестезию на кровати. После эпидуральной анестезии вновь заструился голубой свет и замяукала в магнитофоне приятная расслабляющая музыка.

Но большего внимания заслуживает второй период родов... Несмотря на эпидуральную анестезию, потужной период может быть достаточно болезненным, и разные женщины ведут

себя в нем по-разному. Кто-то кричит благим матом, так что пролетающие за окном птицы падают замертво, кто-то, сжав зубы, тужится сквозь боль, кто-то требует немедленного кесарева сечения, кто-то просто сдаётся и впадает в тихое запредельное отчаяние... Но у аристократов, как выяснилось, все иначе...

Вот такой примерно диалог, который я не побоюсь назвать классическим, произошёл между мной и Джессикой непосредственно перед рождением ее ребенка.

– Джессика, я должен заметить, что шейка вашей матки полностью раскрылась и голова ребеночка вот-вот покажется на свет.

– Очень мило с ее стороны, надеюсь, вы останетесь с нами до конца и проинформируете меня о том, что пора тужиться.

– Несомненно. Тем более что тужиться необходимо, как только вы почувствуете, что начинается схватка.

– ААААА!!!! (Схватка!) ААААА!!!! Извините.

– Вам совершенно не стоит извиняться, это вполне нормально – так себя вести в родах.

– Извините, что информирую вас об этом, но боюсь, что я обкакалась.

– Очень хорошо. Мы позаботимся об этом, вам не о чем волноваться.

– Благодарю вас. Вы очень добры. Я не волнуюсь, просто обычно я делаю это без свидетелей.

– Не сомневаюсь.

– АААА!!!! (Схватка!) ААААА!!!! Извините.

– Наберите полную грудь воздуха и потужьтесь!

– !!!!!!!!!!!!!

– Отлично, голова уже родилась. Теперь нам надо родить плечики и туловище!

– Доктор, будьте откровенны со мной. Надеюсь, что волосы у малыша не рыжего цвета?

– Нет, мадам. Могу вас заверить.

– Очень хорошо. Не будете ли вы так добры усадить Джонатана на стул. Это не его обычный цвет лица...

Джонатан тем временем, с лицом белого цвета, неуклонно сползает по стенке на пол, его подхватывает акушерка.

– !!!!!!!!!!!!! (Схватка!)

Родившегося мальчика подносят к Джессике. Ни тени эмоций на лице, кроме одной-единственной мелькнувшей слезы, пробежавшей по щеке так быстро, как будто бы ее и не было...

– Good afternoon, baby boy!

– Уааа-уааааа!!!!!!

Самым интересным неожиданно оказался последний диалог, когда родили плаценту, зашили небольшой разрез на промежности, привели в чувство счастливого отца семейства и разлили шампанское по бокалам. Джессика все еще находится в родильном кресле с ногами на подставках и десятком подушек под головой.

– Посмотрите, Джес, вашего огромного живота больше нет!

– Blimey! I can see my cunt now, can I not?⁶

– You can indeed!⁷

– Thanks for your help.

Да... Леди во всем, ну что тут скажешь...

⁶ Боже! Наконец-то я увижу свои интимные места, не правда ли? (англ.).

⁷ Без сомнения! (англ.).

Мысли вслух перед краш- кесаревым в четыре часа утра

Когда падает сердце,⁸ мы все спешим на помощь к нему, к не рожденному еще человеку, который изо всех сил пытается появиться на свет. Такая уж наша работа – помочь ему выжить, даже если Богу угодно, чтобы сердце его остановилось еще в материнской утробе. Может, Бог хочет дать ему шанс? Сделать так, чтобы в момент, когда сердце его устало и больше не может биться, рядом оказались мы? Потому что он – наш... Но мы – не боги и делаем только то, что умеем.

Когда падает сердце – мы все знаем, что делать. Мы бежим по коридору, мы открываем дверь в операционную и зажигаем огни бестеновой лампы. Каждый из нас, от хирурга до санитаря, пытается спасти ему жизнь. Потому что он – наш. Он такой же, как мы: веселый, хмурый, добрый, сердитый, обидчивый, капризный, храбрый и трусливый. Он способен любить, как мы, и прощать тем, кого любит, как мы.

Но это – в будущем. Если получится. Если хватит времени. А сейчас – сердце его упало в ноль. Но он этого не знает, он просто жил, слушал сердце матери, и его собственное сердце училось биться в такт с материнским, и душа его улыбалась.

Сегодня – жизнь или смерть. Секундомер запущен. И если он умрет, то, конечно, попадет в рай, где таким, как он, уже приготовлены крылья и маленький лук со стрелами. А если выживет – он станет таким же, как мы. Или лучше...

Гул голосов в операционной. Отрывистые команды. Яркий свет ламп и монотонный писк наркозного аппарата. Мы идем на помощь! Он наш! Мы подходим к нему со скальпелем, мы киваем анестезиологам. Можно начинать!

– Эй, ребенок! Если ты еще жив, пожалуйста, не умирай еще две минуты!

Разрез.

– Подожди еще одну минуту!

Апоневроз. Брюшная полость.

– Послушай-ка, здесь свет, свежий воздух и Мама!

Тридцать секунд.

Нижний сегмент матки. Извлечение. Пуповина.

Ноль секунд.

Реанимация.

Времени – нет.

– Ну кричи же, ты же можешь просто заорать, и все...

...Легкие расправляются.словно хлопок запасного парашюта. Первый крик. Первая пощечина смерти. Жизнь в этот раз победила, потому что так было угодно Богу. И нам.

Потому что он – наш.

⁸ Медицинский сленг – означает критическое падение частоты пульса или остановку сердца. В данном случае речь идет об остановке сердца у еще не родившегося младенца.

Эсс Пушкин, или Трудности перевода

Завелась у нас как-то в клинике девушка-докторесса из Москвы по имени Светлана. Она закончила ординатуру по гинекологии дома, вышла по Интернету замуж за английского электрика и приехала в Англию жить и сдавать экзамены на медицинскую лицензию. Сдача медицинских экзаменов в Англии – процесс, требующий не только большого ума, но также самоотречения, времени и усердия, поэтому параллельно с сидением за учебниками Светлана приходила два раза в неделю к нам в клинику, где ей было дозволено сидеть с докторами на приеме и наблюдать за работой родильного отделения и операционной.

Так вот, работаю я с утра в родильном отделении, а Светлана, миловидная блондинка из Москвы, ходит за мною хвостом и задает вопросы. К обеду, когда мы закончили обход и плановые операции, нас выловил мистер Данкли, заведующий отделением, великий профессор, ценитель русской литературы и, как выяснилось, большой любитель поболтать с интересными блондинками из Москвы.

– Хеллоу, Дэннис! Хеллоу, Свэтлана!!!! – начал свой многочасовой диалог мистер Данкли.

Я сразу сообразил, что сейчас начнется «про Солженицына, перестройку и КГБ», и, ловким движением подтолкнув Светлану вперед, попытался незаметно исчезнуть из поля зрения профессора. Однако дальнейшее настолько заинтересовало меня, что я остался послушать.

– Свэтлана! Как вы находите нашу клинику? Набираетесь ли вы здесь полезного опыта для вашего экзамена на лицензию?

– Да, мистер Данкли, – перешла Света на русский английский. – Мне очень нравится в клинике! Итс сач э привеледж фор ми то би эйбл ту си зе верк оф сач э биг гайниколоджикал асс, лайк ю, мистер Данкли!

Возникла неловкая пауза. Улыбка застыла на лице мистера Данкли и стала медленно превращаться в вопросительную гримасу. Я нервно закашлял: до меня медленно дошло то, что хотела сказать Светлана и что у нее получилось! Но тем дело не кончилось.

Света продолжала:

– Дэннис из олсо – биг асс! Ай лернт э лот фром хим ласт вик!

Мистер Данкли с интересом посмотрел на меня и с задумчивым видом удалился в свой кабинет. Вечером, когда я снова встретил его, он загадочно спросил меня: «Дэннис! Ты случайно не знаешь, что Светлана имела в виду, назвав меня „большой гинекологической задницей“?»

– Не могу сказать, мистер Данкли. Я думаю, она восхищалась вашей работой. Сленг москвичей иногда трудно понять даже мне...

– Я бы хотел однажды выучить русский!!! Это язык Достоевского! Пушкина! Толстого!

Мистер Данкли оседлал любимого конька, и следующие полчаса моей жизни были посвящены русской культуре.

Моряк моряка видит издалека

В нашем «краснознаменном» Девонширском госпитале восемь операционных. В каждой из них, естественно, стоит по наркозному аппарату. Наркозный аппарат, если кто не знает, это такой шкафчик с трубочками и мониторами, который поддерживает жизнедеятельность пациента во время операции. Наркозный аппарат – фетиш и предмет поклонения анестезиологов всего мира. Не так давно я заметил одну очень странную вещь: на все наши наркозные аппараты сбоку кем-то, но явно не производителем, навинчены небольшие медные таблички. На табличках не инвентарный номер и не год выпуска, а старательно выгравированные имена:

BRUMMER
GNEISENAU
TIRPITZ
PRINZ EUGEN
BISMARCK

Кому и зачем в уездном Девоншире взбрело в голову обзывать наркозные аппараты немецкими именами, оставалось для меня полнейшей загадкой. До тех пор пока к нам не приехали врачи-гинекологи из Мюнхена обмениваться опытом. Немцы ходили гуськом по оперблоку, говорили: «Я! Я! Натюрлих!» – восхищались английской анестезиологией и цокали языками. Позже, на банкете, глава немецкой делегации Уве Штайнер произнес пламенную речь на сносном английском. О сотрудничестве, партнерстве и взаимопонимании. В частности, он сказал:

– Я заметил, что все ваши наркозные аппараты названы немецкими именами! Мне, как настоящему немцу, это очень приятно! Давайте выпьем за дружбу между Англией и Германией! Прозит!

Тревор Хиндли, начальник всех анестезиологов Девоншира и потомственный морской офицер Королевского флота Ее Величества, нагнувшись ко мне и заговорщицки подмигнув, прошептал: «Боюсь, что наркозные аппараты названы именами немецких кораблей, потопленных английским флотом во Второй мировой войне».

Весь оставшийся вечер я думал о дружбе между народами и о чисто английском чувстве юмора.

Военно-морская гинекология, или Как я провел лето

Известно, что гинекологов на флоте реально не хватает. Хороший гинеколог на ракетном крейсере или на атомной подводной лодке – большая редкость. То ли потому, что они там никому на хрен не нужны, то ли это от качки – сказать сложно. Но факт остается фактом: гинекологов на флоте – днем с огнем, особенно акушеров. Тем не менее лично я прослужил на Балтийском флоте целый месяц и сейчас расскажу, как все получилось.

Как и во всяком приличном мединституте, в Первом ЛМИ была кафедра военной медицины, где проходили боевые отравляющие вещества, разные яды и как правильно предохраняться от ядерного взрыва, внезапно произошедшего неподалеку. Более того, студентам предлагалось подписать с кафедрой контракт, который обязывал их после окончания курса пройти практику на кораблях ВМФ по медицинской специальности с последующим присвоением высокого звания лейтенанта медицинской службы. К пятому курсу, конечно же, все мы уже были видными докторами, определившимися, кто чем будет заниматься, когда вырастет. Хирурги уже всю умели правильно отличать левую ногу от печени, а терапевтов уже распирало от знания того, чем отличается аутоиммунный тиреоидит Хашимото от банального поноса, вызванного поеданием шавермы на станции метро «Петроградская».

И вот по окончании пятого курса я, влюбленный в хирургическую гинекологию и не понаслышке знавший откуда берутся дети, вместе с другими своими однокурсниками попадаю в старинный немецкий город Пилау, ныне Балтийск, базу Балтийского флота. После присяги всех стали расписывать по местам прохождения дальнейшей службы. Я попал на сторожевой корабль «Задорный».

Это был неимоверной красоты серый stodvadcatimetrovый морской пароход проекта «1135-Буревестник», с пушками, торпедами, глубинными бомбами и недетской ракетной установкой системы «Метель». К моменту нашего знакомства он уже не раз пересек все океаны и сейчас, вернувшись из Атлантики, готовился к переходу морем в Североморск, так как был передан в распоряжение Северного флота.

Меня представили дежурному офицеру: «Это наш новый доктор» – и показали мою каюту. Кюта была, конечно, два на два, но были и позитивные моменты – вентилятор и кофеварка. Форму мне на тот момент пока не выдали: произошла какая-то запутка с моими бумагами и, в частности, с продовольственным аттестатом, который, как оказалось, является одним из главных документов на флоте, по которым всякому моряку полагается питание. В джинсах, кроссовках и тельняшке я, новый корабельный доктор, сидел у себя в каюте, курил «Кэмел» и думал, как же все круто у меня складывается.

Постучали в дверь. На пороге оказался паренек лет девятнадцати в бескозырке и со старшинскими погонами.

– Здражеляютааишь новый доктор, – проговорил он заученной скороговоркой и критически меня оглядел.

Я протянул ему руку.

– Денис.

– Второй статьи Степин, – сказал он с таким заправским видом, что я тут же почувствовал себя салагой и сухопутной крысой, с которой старшине второй статьи здороваться за руку просто западло. Но руку пожал. – Слава.

– Давно служишь?

– Давнобль, – сказал он, мастерски замаскировав суффикс «бля». – Приказано показать вам медсанчасть, а потом обедать.

Экскурсия по кораблю оказалась увлекательной, если не считать удара башкой о переборку и постоянного спотыкания о комингсы. Слава Степин проникся ко мне некой смесью

уважения, «потому-что-я-доктор», и снисхождения, «потому-что-он-демпель». Медсанчасть была в идеальном порядке. Все блестело и сверкало. Пахло карболкой, мытым полом и пенициллином. Лазарет был пуст, четыре койки аккуратно заправлены.

– Меня из медучилища призвали, – сказал Слава. – Вообще-то, я в медицинский собираюсь, так что кое-чего соображаю...

В маленькой операционной стоял блестящий стерилизатор времен Н. И. Пирогова, биксы со стерильным бельем и набор инструментов для малых операций и чревосечения.

– До вас здесь был доктором старший лейтенант Барсуков, он в стерилизаторе свои носки кипятилбль. А до Барсукова был лейтенант Джгубурия, он в этом стерилизаторе курицу варилбль. Она двухсотградусным паром за пять минут вариласьбль... Сейчас я здесь инструментыбль стерилизуюбль. Нормально этобль?

Из лекарств в сейфе оказались промедол, аспирин, пенициллин и мазь Вишневского. Лечи – не хочу! Степин был очень хозяйственным малым, и у него все лежало на своем месте. Под расписку мне была выдана шестидесятилитровая бочка «шила». То есть спирта медицинского. Слава Степин сказал, что в соответствии с приказом начмеда бригады в «шило» нужно добавлять краситель, делающий его несъедобным, но, как заметил Слава: «Коллектив господ офицеров вас не поймет».

– Спирт будет расходоваться только на медицинские нужды, – сказал я, как отрезал.

Слава Степин поправил бескозырку и выразительно промолчал.

Наступало время обеда. Так как часть моих документов где-то застряла, кормить меня в офицерской кают-компании и вообще где-либо было не положено. Слава Степин это знал и мялся, обдумывая, как бы мне это сообщить.

– Тааишьвоенврач, так получилось, что где-то проебали ваш продаттестат. Но я договорился с пацанами, сегодня вас покормят, а потом надо будет чего-то решать. Поговорите со старпомом – он нормальный дядька. К командиру с этим лучше не соваться – зверь.

Он привел меня в столовую, где на длинных скамьях сидели матросы и ели второе. На второе была перловая каша с мясом, источавшая такой божественный аромат, что я тут же вспомнил, что с самой учебки ничего не ел. Слава Степин подвел меня к столу, стоявшему особняком, и, сказав «Приятного!», бесследно испарился. Это я потом узнал, что стервец Слава элитно питался прямо на камбузе, так как кок Петя Николаев был его земляком и лучшим другом.

Стол, у которого меня оставили, был мрачен. Пролитый суп, крошки, капли жира и перевернутые тарелки с кашей аппетит прямо-таки не возбуждали. К тому же совершенно не было на чем сидеть.

– Кто дежурный? – негромко спросил я, обращаясь к проходившему мимо меня матросу с подносом и повязкой «Дежурный» на рукаве.

Ноль эмоций. Мой голос утонул в звуке ста шестидесяти ложек, черпающих кашу из ста шестидесяти тарелок.

– Дежурный кто? – Я обратился ко второму проходящему матросу с повязкой.

Ноль внимания. Меня заметил проходящий мимо капитан-лейтенант.

– Врач новый, что ли?

– Ага...

– Чего, сесть негде?

– Ну да... дали бы хоть тряпку – со стола вытереть, а то в таком свинарнике есть не в кайф. Кричу: «Кто дежурный?» Все ноль внимания...

– Не так надо...

И тут он сметает рукой на пол все, что было на столе, – тарелки, вилки, металлические кружки:

– ТВОЮ МАТЬ, КТО ДЕЖУРНЫЙ, БЛЯДЬ?

От его громоподобного голоса на долю секунды стук ложек прекратился, и на горизонте моментально нарисовались те самые дежурные моряки в повязках.

– А ну быстро доктора накормить по высшему разряду!

– Есть накормить доктора!

Через три минуты я сидел за столом, накрытом белой (!) скатертью, и уплетал вкуснейшую кашу, запивая ее божественным компотом из сухофруктов.

После обеда, когда я в своей каюте докуривал последнюю сигарету из пачки, меня вызвали к командиру. Я постучался и вошел в каюту.

– Здравствуйте, товарищ капитан корабля!

От волнения я тут же перепутал капитана с командиром и понял, что полностью облажался. Командиром СКР «Задорный» оказался худой, как охотничья собака, сорокалетний каприз (капитан первого ранга), с тончайшими усами а-ля Эркюль Пуаро и следами легкого алкогольного поражения печени на лице. По тому, как он посмотрел на меня, я понял, что так к нему не обращались давно.

– Проходите, садитесь... Денис Сергеевич, если не ошибаюсь? Кофе?

– Да, пожалуйста...

Командир вытащил из шкафа бутылку коньяка «Васпуракан» и разлил по рюмкам.

– Ну, добро пожаловать на флот!

Мы пили кофе, курили и смотрели друг на друга. Возникла пауза.

– Скажите, Денис Сергеевич, а на гражданке вы каким доктором являетесь?

Пауза, возникшая ранее, превратилась в вечность. В ушах тихо и неприятно запищало.

– Гинекологом.

Командир кашлянул, выпустил вверх струю дыма и совершенно серьезно сказал:

- Вы знаете, Денис Сергеевич, на самом деле гинеколог здесь – я. Хотите узнать, почему?
- Почему?
- А я здесь всем матки мехом внутрь выворачиваю...

По неясной причине командир, оказавшийся эстетом, поклонником Эдит Пиаф, любителем коньяка и весьма начитанным мужчиной, нашел во мне «приятного собеседника» и часто вызывал меня «попить кофе». Мы, в общем, интересно проводили время: я травил его медицинские байки, а он рассказывал, соответственно, морские.

Балтийск традиционно называется городом трех «Б»: булыжников, блядей и бескозырок. Всего этого там было в избытке. В первый же свободный вечер мы с однокурсником Женей Боровиковым, который попал служить на соседний пароход, вышли в город. Планировалось посещение злачного места под названием кафе «Голубая устрица» – самого модного места во всем Балтийске. Денег на особый разгул не было, поэтому вскладчину был собран капитал на покупку водки «Зверь», пачки «Кэмела» и упаковки «Дирола». Также имелись сигареты «Полет», выдаваемые морякам, и пол-литра спирта, списанного мной на медицинские нужды (протирка стерилизатора от куриного жира). При помощи всех этих товаров нам необходимо было не только весело провести время, но и, по возможности, познакомиться с самыми красивыми женщинами Балтийска. Время поджимало, на корабль надо было вернуться не позднее четырех утра, чтобы попасть на поднятие флага ровно в шесть ноль-ноль.

Вместо женщин в первом кафе, которое мы посетили, мы познакомились... с мужчинами. Это были два подводника, реальных морских волка, старших лейтенанта медслужбы, которые «только что вернулись из автономки у берегов Новой Зеландии». Их моральное превосходство над нами было так же очевидно и велико, как и пропасть, разделяющая нас, и они этого не скрывали. Черные кители с иголочки, отличительные знаки подводного флота, кремовые рубашки и погоны с красными медицинскими просветами и змеей – обо всем этом мы только мечтали... Мы сидели под зонтиками на берегу моря, в дюнах, завидовали старшим лейтенантам, курили и смотрели на закат.

– Надо бы проставиться, ребята, – прервал наши грезы один из подводников. – Традиция есть такая на флоте... боевое крещение, так сказать...

Делить бутылку «Зверя» с первыми встречными было до боли жалко, но морской закон есть морской закон, и начинать карьеру морского офицера с несоблюдения традиций было совершенно недопустимо. Быстро раздавив бутылку на четверых, мы с Женей отправились в «Голубую устрицу», а довольные подводники пошли куда-то по своим делам.

«Голубая устрица» оказалась обычной открытой дискотекой на берегу моря. Так как в Балтийске абсолютно все связано с Военно-морским флотом, то и на дискотеке, соответственно, преобладали военно-морские офицеры, жены военно-морских офицеров, девушки, стремящиеся стать женами военно-морских офицеров, и жены военно-морских офицеров, которые хотя бы на одну ночь желали оказаться девушками других военно-морских офицеров. Даже «бандиты», шумно подъехавшие на «опеле-кадет», оказались военно-морскими офицерами. Тут я заметил наших старых знакомых «подводников». Уже без формы они сидели с двумя симпатичными девчонками и рассказывали, как, одолжив форму у госпитальных старлеев, развели двух лохов на бутылку водки. «Подводники» оказались такими же, как мы, студентами-медиками, приехавшими на практику неделей раньше. Обман был тут же выявлен, и настала их очередь проставляться. Так как ребята они оказались неплохие, никто в обиде не остался.

Девушек удивительной красоты на дискотеке было невероятное количество. В четыре утра я, Женя, командир БЧ-5 с «Задорного» капитан-лейтенант Разумовский, опознавший нас на дискотеке, и три нетрезвые, но невероятно длинноногие красавицы решили отправиться на экскурсию на наш доблестный пароход.

...Я проснулся голым на полу своей каюты от вибрации, головной боли и какого-то странного гула. С трудом сфокусировав глаза на часах, определил время – двенадцать тридцать пять, то есть о подъеме флага в шесть ноль-ноль не могло быть и речи... Каждый поворот головы сопровождался мощнейшим спазмом в желудке и непроходящим ощущением топорика в голове.

Память возвращалась с трудом и частями. Рядом со мной в неестественной позе спал Женя Боровиков в носках, часах и гондоне. На кровати, обнявшись, будто две нимфы, спали обнаженные вчерашние девушки из «Устрицы». «Надеюсь, до скандала дело не дошло», – подумал я, оглядев Женю, и еще раз попытался вспомнить детали вчерашнего вечера. Простыня, подушка, одеяло и девушки были густо заляпаны мазутом. «Купались!» – мелькнула мысль. Тут меня здорово качнуло, и я понял, что «Задорный» вышел в море. Ну да... Разумовский вчера что-то говорил про учебный выход в море... елы-палы... блиин...

Корабль на боевых учениях, а в каюте доктора, который должен сидеть в медсанчасти и ждать поступления «раненых», загорают две голые телки и студент Боровиков в гондоне. Надо было срочно что-то предпринимать. Я натянул спортивные штаны, футболку, выполз из каюты и, аки Джеймс Бонд, начал пробираться в сторону амбулатории.

– Стоять, бль!

Я остановился и зачем-то поднял руки вверх.

– Почему в трико, как целка, бль? Фамилия, бль!

Это был замполит кавторанг Гуцалюк, дядька из Минска, с усами, как у «Песняров».

– Врач-практикант Цепов.

– Ааа... Почему не по форме, бль?

– Не выдали.

– Развели бардак на флоте, морские котики, бль!

Через десять минут я уже был облачен в «рабочее платье» – именно так называется матросская роба – широченные синие штаны, пилотку и черные ботинки.

После интенсивных консультаций со Степиным, пообещав ему комплект гражданской одежды для походов в самоволку, я принял решение эвакуировать девиц и студента Боровикова в судовой лазарет. Проснувшимся к тому времени обезвоженным посетителям моей каюты была объяснена тактическая ситуация и вся серьезность положения. Дамы отчаянно хотели писать, а Женя Боровиков – пива, котлетку по-киевски и спать.

Чтобы не вызвать подозрений, девиц и Женю по очереди на носилках, накрытых одеялом, перенесли в лазарет, который тут же закрыли на карантин по сальмонеллезу. Я сидел,пил воду и жевал аспирин в медсанчасти, когда стали поступать первые «раненые». «Учения ж, блядь!» – вспомнил я. Голова соображала с трудом...

Первым «раненым» оказался матрос-первогодок Мишин. Его якобы опалило пламенем. Я сказал ему ласково: «Мишин, пиздуй в лазарет и сиди там как мышь. Пикнешь – башку снесу! Понял?»

– Есть сидеть как мышь, тааишьвоенврач!

– И, кстати, Мишин, а че у тебя руки постоянно согнуты в локте?

– Не разгибаются тааишьвоенврач!

– Офигел, что ли? Тебе ж в госпиталь надо!

– Так они у меня с детства не разгибаются.

– А как же тебя на флот призывали-то?

– Я им говорил, что у меня руки не разгибаются, а они сказали: «Мы тебя на хороший пароход отправим»...

– !!!

Контуженого Мишина определили в бокс, чтоб он, не дай бог, не растрепал никому о том, что у нас в лазарете полным-полно голых баб. Дальше, к счастью, поступали только «легкораненные», а потом вообще пришел мичман Терновой с подозрением на гонорею. Узников лазарета тайно покормили макаронами по-флотски, а проныра Слава Степин даже где-то добыл девушкам мороженое.

После окончания учебного выхода в море, под покровом ночи девицы и студент Боровиков были эвакуированы с корабля, пока капитан-лейтенант Разумовский, дежурный по кораблю, строил вахтенного матроса, я незаметно провел их по трапу на берег. Женька хватался, что ему, перед уходом, «на посошок», еще раз сделали минет, но я думаю – врет. Хотя я только сейчас понимаю, что от опаленного войной матроса Мишина можно было ожидать чего угодно...

С младшим офицерским составом мы очень быстро нашли общий язык. Ребята оказались хорошие, и медицинский спирт таял на глазах. По вечерам мы собирались в кают-компанию пить «чай». Там я научился употреблять коктейль «Летучий голландец»: чистый спирт с яичным желтком на дне стакана. Очень пронзительно.

Самыми настоящими лейтенантами медслужбы Балтийского флота мы возвращались домой. «Задорный» стал за месяц очень родным, а печень, наоборот, была как неродная: все время болела, ныла и трусливо выкидывала белый флаг с синими полосками крест-накрест. «Задорному» предстоял переход морем в Североморск, а мне – субординатура по гинекологии на отделении доцента Яковлева.

Так закончилась моя военно-гинекологическая практика.

Как принять роды у капитана Боинга

Женщины героических профессий – моя слабость, а также сфера пристального изучения и искреннего восхищения. Что заставляет двадцатилетнюю девушку пойти в королевские морские пехотинцы или в пожарницы? Что движет желанием женщины управлять многотонным грузовиком, паровозом или, скажем, трансатлантическим «Боингом-747»?

Несмотря на всю героичность и провозглашенную полную независимость от мужчин, такие тетеньки, что характерно, тоже беременеют и то и дело приходят к нам рожать детей. Тут-то часто и возникают трудности психологического плана. Нередко выходит, что сильной, независимой женщине, инструктору по боевому карате в Королевской морской пехоте со стальными нервами и смертельным ударом, бывает психологически гораздо труднее родить ребенка, нежели женщине-повару, женщине-парикмахеру или, к примеру, женщине-домохозяйке.

Видимо, дело тут в том, что женщины типично «мужских» профессий, привыкшие держать под полным контролем ситуацию, себя и, нередко, других людей, очень часто полностью теряют контроль и уверенность в себе во время родов, когда от них, в общем-то, мало что зависит, а на карту поставлено слишком много – их собственная жизнь и, главное, жизнь и здоровье их ребенка. Они, привыкшие принимать решения в сложных ситуациях сами, теперь вынуждены полностью, безоговорочно, на сто процентов доверять врачу – человеку, которого они зачастую видят впервые в жизни! А это – нелегко. Профессионально занимающиеся сложным деси́жн-мейки́нгом⁹ и риск-менеджментом¹⁰ меня поймут...

Кстати, знаете ли вы, что из мужей, присутствующих на родах, чаще всего падают в обморок, аки бледные курсистки, именно пожарные и морские пехотинцы?! Причина, скорее всего, та же. Но покончим со вступлением и перейдем непосредственно к повествованию!

В то утро выпало мне, регистратору Королевского Девонширского госпиталя, делать плановые кесарева сечения – в утреннем распорядке их обычно три, – так чтобы закончить все к часу дня. Обычно перед операцией пациентка общается с хирургом, он рассказывает, что именно собирается делать на операции, какие при этом есть риски для жизни и здоровья и что обычно предпринимается, чтобы эти риски свести на нет. Захожу в палату, вижу пациентку. Дженни. Лицо белого цвета. Глаза полны ужаса. Руки трясутся. В общем, боится до смерти. Начинаем разговор, пытаюсь шутками-прибаутками ее как-то развеселить, успокоить и приободрить. Получается, но с трудом. И тут в мою голову закрадывается подозрение...

– Кем вы работаете, Дженни? – вкрадчиво так спрашиваю...

– Пилотом на «Бритиш Эйрвейз», «Боинги» вожу и аэробусы...

– Капитаном?

– Ага...

Оп-па! Тут все сразу стало понятно! Пообщались мы еще минут десять, согласие больной на операцию кое-как получено, но, чувствую, хоть и улыбается женщина наша пилот, ужас в глазах все-таки присутствует... Конечно! Это тебе не штурвалом рулить да автопилота включать, как бы свысока нисходя до пассажиров по громкой связи! Дескать, говорит капитан... всем расслабиться... я, хитрый профессионал, крут и спокоен... а вам сейчас бифштекс принесут и «Шато Моргон» в маленькой бутылочке...

Видела бы она ужас в моих глазах каждый раз при взлете и посадке! И это с учетом как минимум трехсот граммов коньяку, принятых на грудь заблаговременно! Страшно ж ведь! Кошмар! Сидишь как овощ, пристегнутый, благоухаешь, как безмозглый гладиолус, после

⁹ От английского *decision making* – принятие решения.

¹⁰ *Risk management* – управление рисками (англ.).

массового опробывания духов в магазине дьюти-фри и при этом дико боишься умереть – сделать-то ничего уже нельзя...

Кто он, этот летчик?

Сколько он вчера выпил виски?

Может, он вчера с женой поссорился?

Может, он спал плохо?

Кто последний раз проверял у этого «Боинга» шланг бензонасоса?

А винтики, интересно, в креплениях шасси туго закручены?

А не китайской ли сборки ероплан?

Вот эти мысли обычно приходят ко мне в голову каждый раз, когда я сижу в самолете перед взлетом, пьяный и тревожный, делаю вид, что читаю рекламный журнал «Полетное ревю» о том, как мило, оказывается, купаться на пляже Эпанема и как вкусно кормят в Праге.

Тех, кто выживет, блин.

Я так думаю, что примерно с таким родом мыслей Дженни, женщина-летчик, ехала на каталке в операционную на кесарево сечение. День рождения ее ребенка! Светлый день, если бы не страх перед операцией. На которой, если верить этому шутнику-доктору с легким восточноевропейским акцентом, то есть мне, обычно все проходит без осложнений, но редко, крайне редко может быть такое, *ага! значит, все-таки может*, что хоть святых вон выноси... Чего только стоит фраза: «Мы делаем экстирпацию¹¹ матки во время кесарева сечения крайне редко, и только в том случае, когда кровотечение становится опасным для жизни и другие методы остановки кровотечения не помогают!» Есть о чем подумать, не правда ли?

Я захожу в операционную, Дженни уже на столе со спинальной анестезией, при которой пациент полностью находится в сознании, но не чувствует боли. На лице смирение и тихий ужас. Накрываю операционное поле, поправляю свет, киваю ассистенту, анестезиологу – все готовы – можно начинать.

И я начинаю. Обращаясь к Дженни, которая видит мою голову через экран, отделяющий ее от стерильного поля, и все, что я делаю, – через отражение в бестеновой лампе, говорю:

– Уважаемые пассажиры, добро пожаловать на борт нашего лайнера «Цезарь-747», выполняющего свой рейс... в матку... за ребенком. Говорит командир корабля, пилот – режиссер высшей категории Дэннис!

Акушерки переглянулись, дескать, «не заболел ли наш мальчик?», и только анестезиолог понял меня правильно и беззвучно ржал, уткнувшись в историю родов. Дженнифер даже на минуту перестала бояться и вопросительно уставилась на меня своими большими от страха глазами. Я продолжал:

– Все готово к взлету, все системы жизнеобеспечения проверены и работают нормально, на всем протяжении нашего полетного маршрута стоит прекрасная погода, однако на второй-третьей минуте после взлета возможна некоторая турбулентность, связанная с доставанием малыша из матки. Пожалуйста, во время рождения малыша не отстегивайте привязные ремни и не гуляйте по салону!

– Анестезиолог к взлету готов!

– Ну, взлетаем тогда!

Разрез... Подкожка, диатермия, апоневроз, белая линия, брюшная полость, мочевого пузыря вниз, разрез на матке, воды, воды, воды... Ребенок! Достаем! Ураааа! Орет! Живой! Красавчик! Молодец!

Дженнифер плачет, но уже от счастья... и улыбается. Страх отступил, полегчало...

– Уважаемые пассажиры, наш лайнер начинает снижение (шью матку). Через некоторое время вам будут предложены товары нашего дьюти-фри: прохладительный внутри-

¹¹ Экстирпация – полное хирургическое удаление ткани или органа.

венный окситоцин и антибиотик дня – аугментин. Новую гламурную линию обезболивающих препаратов, включая трамадол и диклофенак, вы сможете приобрести после приземления, в послеоперационной палате! (Зашиваем апоневроз.) Пожалуйста, не забывайте свои личные вещи и инструменты в животе пациентки (счет тампонов и инструментов верен!). Просьба оставаться на своих местах до полной остановки лайнера... (Зашиваю кожу косметическим внутрикожным монокрилом.)

Дамы и господа, наш лайнер совершил посадку в палату выздоравливающих аэропорта «Хитроу»! Командир корабля и экипаж прощаются с вами и желают вам и вашему беби дальнейшего счастливого пути!

Через неделю я обнаружил в своем внутреннем почтовом ящике бутылку коньяка «Хеннесси» и записку: «Спасибо за мягкую посадку, коллега. Захотите сменить профессию – мой „Боинг“ в вашем распоряжении. Капитан Дженнифер Лорренс».

Есть ли в Даулише девушки на выданье?

Урогинекологическая клиника «Мисс Марш» в Королевском Девонширском госпитале. Всем девушкам-пациенткам хорошо за семьдесят... Проблемы после менопаузы у женщин возникают самые разнообразные: и недержание мочи, и выпадения матки, и опущения стенок влагалища, и прочая, и прочая... Но старушки не расстраиваются и к гинекологу на осмотр ходят регулярно и с удовольствием, тем более что это хороший повод накануне сходить в парикмахерскую на укладку и нацепить свои бриллианты.

В кабинет входит миссис Юингс, семидесятипятилетняя бабуля с высоченной прической, полным макияжем и, на мой взгляд, на слишком высоких для ее возраста каблуках. Этакая радикальная блондинка из частного дома престарелых в местечке Даулиш.

Кстати, прибрежная деревенька Даулиш – не самое дешевое место на берегу Атлантического океана, чтобы скромно и со вкусом окончить свои дни. Частные дома престарелых там – это практически пятизвездочные отели, только с медицинской помощью. По-нашему – пансионаты. Поздоровались, поговорили за матку, за детей, за дороговизну жизни в Лондоне.

– Доктор, а вы не бывали в Даулише?

– Конечно, миссис Юингс, я частенько бываю в этом чудном городке и люблю сиживать в пабе «Королева Елизавета» на берегу океана за бокалом красного вина.

– Тогда, возможно, вы заметили, что в Даулише полным-полно... блядей?

Я профессионально смутился, но, не подавая вида, продолжал разговор, становившийся весьма интересным.

– Дело в том, миссис Юингс, что за все время моего пребывания в Даулише я таки не заметил того факта, что там полным-полно блядей...

Миссис Юингс наклонилась ко мне и неистово прошептала, обдав меня ароматом старинных духов:

– Вы не видели там блядей, потому что все они сидят по домам престарелых и практически не выходят наружу!

Профессора бранятся – только тешатся

Раннее утро в оперблоке. Начался операционный день. Операционные у нас сообщаются между собой стеклянными дверями, и, в принципе, если прислушаться, по музыке, что играет в стереосистеме в той или иной операционной, можно понять, кто именно сегодня оперирует. Мистер Галистер, уролог, отрезает людям почки под хриплый баритон Леонарда Козна, мистер Пэрис, хирург, ищет в пациентах неотрезанное под Билли Холидей, а ваш покорный слуга предпочитает на лапароскопиях слушать «джипси-свинг», а на открытых операциях – Тома Уэйтса. Профессор Клементс, хирург-гинеколог, к которому прилетают оперироваться на частных самолетах жены арабских шейхов, предпочитает оперировать под едва слышные мелодии Вивальди.

Так вот, идет микрохирургическая операция по восстановлению маточных труб у жены какого-то то ли царя, то ли принца. За «роялем» – профессор Клементс. Тихо-тихо нашептывает Вивальди стереосистема «Боуз», в операционной полнейшая тишина, все передвигаются на цыпочках, и слышно, как в прорези между операционной маской и голубым операционным колпаком шуршат пышные ресницы операционной сестры Донны. Донна всегда очень расстраивается, что ее шикарную грудь не видно под стерильным, наглухо задраенным хирургическим халатом, и поэтому ей остается только шуршать ресницами. Кстати, следует заметить, что операционные сестры уделяют макияжу глаз огромное внимание, ведь именно эту часть всегда видит хирург, и кокетничать с ним удается зачастую только глазами, в перерывах между «зажим, зажим, спирт, огурец». Хорошей операционной сестре, кстати, совершенно не нужно в большинстве случаев говорить, что именно нужно хирургу. Надо только протянуть руку, и желаемый зажим Гуиллама или ножницы Мак-Индо тут же оказываются в руке.

Но оставим сиськи операционной сестры Донны в покое... Речь, собственно, не о них, а об общении между хирургами во время операции. Я ассистирую профессору, от бинокля с лампой, надетого на голову, ужасно болят глаза. Но без него нельзя – нитку невооруженным глазом просто не видно. Операция по восстановлению маточных труб ужасно кропотливая и напряженная, занимает часа три, не меньше. Вдруг из соседней операционной начинают доноситься... громкие ритмичные звуки. Первое впечатление – соседи не любят Вивальди и пытаются показать непопулярность данного композитора сильными ударами молотка по водопроводной трубе. Профессор Клементс перестает оперировать. Он поднимает голову и просит сестру-анестезистку немедленно узнать, «кто это долбит молотком и мешает ему делать операцию века». Сестра-анестезистка говорит, что в соседней операционной сегодня осуществляет протезирование бедра профессор Эггертон, лучший друг и собутыльник профессора Клементса, его товарищ по лондонскому яхт-клубу и великий хирург-ортопед Старого и Нового Света.

– Дарлинг, – обратился он к сестре-анестезистке опять, – не могли бы вы пойти в операционную профессора Эггертона и сказать, что профессор Клементс очень просит его не долбить молотком ближайшие два-три часа, так как профессор Клементс выполняет *очень* деликатную операцию на маточных трубах, и, кроме того, из-за его ударов молотком по пациенту мистеру Клементсу не слышно Вивальди!

Анестезистка скрылась за прозрачной дверью ортопедической операционной.

– Терпеть не могу ортопедик! Разве это хирургия? Мясники и то работают нежнее... – продолжал бурчать профессор Клементс.

Через минуту удары молотком по бедру пациента прекратились, и профессор Клементс, удовлетворенно крикнув, продолжил деликатнейшую операцию, а звуки Вивальди опять нежно заполнили прохладный воздух операционной. Однако минут через пять долбление молотком

возобновилось с утроенной силой. Профессор Клементс снова перестал оперировать, отложил микропинцет, поднял голову и, найдя глазами сестру-анестезистку, спросил:

– Dear, what exactly has professor Eggerton said when you told him that professor Clements asked him to stop that disgusting hammering noise because he was doing this most delicate microsurgery operation and was trying to concentrate?¹²

Рыжая сестра-анестезистка густо покраснела.

– Sorry, professor Clements. Professor Eggerton has asked me to tell you to... FUCK OFF!¹³

– I thought he might! See, Mr. Tsepov, those orthopaedic surgeons do not have any nice manners.¹⁴

Профессор Клементс продолжил операцию. От хирургического бинокля у меня уныло болела голова. За стеной продолжали долбить молотком еще минут пятнадцать.

Потом заработала электродрель. Профессор Эггертон начал пилить бедро.

¹² Дорогуша, а что именно сказал профессор Эггертон, когда вы сказали, что профессор Клементс просит его немедленно прекратить эти отвратительные удары молотком по пациенту, так как он выполняет очень деликатную микрохирургическую операцию и пытается сконцентрироваться?

¹³ Извините, профессор Клементс, но профессор Эггертон просил передать, чтобы вы пошли на хуй.

¹⁴ Я так и думал. Вот видите, мистер Цепов, у этих хирургов-ортопедов совершенно отсутствуют хорошие манеры!

Десперадо из химчистки

– Хэй, компадре! – сказал он, обнажив желтые зубы и пахнув мне в лицо запахом сигарного дыма. – Если бы старому Хуану нужно было бы отрезать яйца заклятому врагу, я не надевал бы такой шикарный костюм! Но синьор может мне доверять – я ничего не скажу легавым. Если вы решили пустить кому-то кровь, значит, на то были причины!

Его смех перешел в кашель...

Я работаю акушером-гинекологом в Университетском госпитале Северного Миддлсекса, в Северном Лондоне. В четверг у меня всегда студенты. Утром они идут со мной на клинический обход, суют всюду нос и понимающе кивают, когда я начинаю распространяться о патогенезе каких-нибудь преждевременных родов или сахарного диабета при беременности. Во второй половине дня у нас академическая сессия. Весь департамент гинекологии и акушерства собирается в лекционном зале послушать интересный доклад, обсудить новости и попить хорошего кофе, предоставленного представителем какой-нибудь фармакологической компании. Все без исключения доктора по четвергам приходят нарядные. Когда еще, если не в четверг, можно похвастаться коллегам своим новым галстуком «Гермес» или запонками «Нью энд Лингвуд»? Уж точно не когда ты дежуришь в родильном отделении высокого риска, где то и дело по воздуху летают сгустки крови, какашки, фрагменты плаценты и околоплодные воды. А в четверг – можно. К тому же кокетничать с восемнадцатилетними студентками гораздо приятнее, когда на тебе не синяя хирургическая пижама, вся в пятнах от предыдущих родов в комнате номер четыре, а костюмчик «Саймон Картер». Гораздо эстетичнее, кто понимает, о чем я...

Ну так вот, иду я со студентами, весь такой красивый, через родильное отделение. И надо же случиться такому совпадению, что в тот момент, когда ответственный дежурный по родилке делал экстренное кесарево сечение тетеньке из комнаты номер девять, у тетеньки в комнате номер шесть после родов четырехкилограммовым плодом произошла атония матки и массивное акушерское кровотечение... Массивное акушерское кровотечение, скажу я вам, это дело серьезное... за двадцать минут тетенька может запросто потерять всю кровь. Хлещет как из ведра. Тут минуты решают все... Ну, конечно, «краш-блип», сирена, тревога... По матюгальнику срочно требуют реджистрара, анестезиолога и гематологическую бригаду в шестую комнату. Операционные сестры бегут срочно разворачивать вторую операционную, а посередине всей этой тревоги – я в сером костюмчике от «Саймон Картер». И плевать, что я просто «мимо проходил», – раз тревога, значит, кто-то может умереть, а раз я здесь – надо бежать и чего-то делать. Метнуться в раздевалку и быстренько натянуть хирургическую пижаму у меня времени нет. Надо нестись останавливать кровопотерю. Вбегаю в комнату. Лужа крови. Тетенька бледна, как и все тетеньки, потерявшие более двух литров крови. Пульс сто сорок, давление семьдесят на тридцать. Шесть единиц крови четвертой группы резус-плюс уже заказали, а пока в обе вены уже льют гелофузин и хартман, кровезамещающие растворы, под давлением. Принесли первую отрицательную – льем! Кровотечение не останавливается. Сажусь на кровать между ногами роженицы и что есть силы сжимаю матку руками. Нужно срочно в операционную! Именно в таком положении – я на кровати у пациентки между ног, с рукой по локоть во влагище, в сером костюмчике «Саймон Картер», сжимающий что есть силы не желающую сокращаться матку, – едем в операционную, где меня сменяет Джес, мой доктор-стажер, пока я так переодеваюсь в операционное белье для чревосечения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.